

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Вячеслав КОВАЛЕВ

ХАДАВАТ

Роман

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 454

Художник
С. Дудин

Ковалев В. Г.
К56 Хадават: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 409 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1366-9

Во вселенной множество миров и множество судеб. И какая разница, что в одном мире люди строят дома из бетона и железа, а в другом — из дерева и камня. В одном создают компьютеры, запускают в небо самолеты и ракеты, а в другом умеют вызывать смерчи и говорят со стихиями. Разницы нет, потому что и там и там живут люди. А вместе с ними честь и коварство, верность и любовь, слабость и порок, долг и милосердие.

Макс, простой российский парень, не подозревал, что обладает сверхъестественными способностями. Он просто жил, пока однажды к нему не пришла тоска, а вместе с ней и странные видения. Но вскоре они станут явью. И ему откроется мир, где живут другие расы и царят другие законы, где вода в реках чиста, а города не знают машин. Мир, где вот уже триста лет Лунный дом ждет того, кто вновь вдохнет в него жизнь и возродит древнее искусство. Он ждет того, кого называют хадават — наследник.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1366-9

© Ковалев В. Г., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Хадават — дословно «наследник». Особый титул времен Старой империи. Когда владелец не имел законных сыновей, он проводил особый обряд усыновления, передавая право наследования человеку, которого сам выбирал. Этот человек и получал титул хадавата, пока не вступал в законное владение.

Из записей Озар-Ада, хранителя печатей империи

Сложно сделать первый шаг. Но когда ты его сделаешь, тут же возникает задача еще труднее: остановиться.

*Мудрость, ставшая народной,
или Одно из поучений мастеров*

ГЛАВА 1

— Мне нужен отпуск. — Макс сидел, растерянно шаря глазами по поверхности стола, как будто именно там находились ответы на все его вопросы.

— Плохо выглядишь.

— Нормально я выгляжу, мне нужен отпуск, — с нажимом повторил Макс.

— Нужен так нужен, чего разволновался. Когда там у тебя по графику? — Антон Семенович потянулся к своим папкам.

— Мне нужен длительный отпуск, и нужен сейчас. — Макс поднял на шефа глаза. — Длительный, на полгода, — повторил он.

— Что? Да ты шо, сынку, с глузду зъихав? — Шеф в минуты волнений любил ввернуть что-нибудь по-украински, мог и матернуться, уже, правда, на великорусском. Наедине, разумеется. При посторонних это был милый интеллигент, ученый и все такое.

— Варианта два: или я иду в отпуск, или я просто спекусь.

— Ну и зачем тебе такой отпуск? Полгода! — Семеныч почесал переносицу. — Ты же закиснешь, ты же сдохнешь от скуки, я ведь тебя знаю.

— Мне нужно решить некоторые личные проблемы, вернее, не проблемы, но решить нужно.

— Слушай, может, тебе просто на море съездить? Дадим тебе путевку, льготную. Солнце, пляжи, вино, загорелые девочки в купальниках. Отдохнешь, встряхнешься, позагораешь, а?

— Антон Семенович, я хочу взять творческий отпуск, по-моему, имею на это полное право. — Голос Макса начал подрагивать.

— Было такое право, было, да все вышло, не могу я тебя отпустить на такой срок.

— Жаль, значит, придется увольняться, а я думал, договоримся. — Макса начинал напрягать этот разговор, ему хотелось поскорее все закончить и уйти. Наверное, это отразилось у него на лице, потому что Семеныч, который действительно очень хорошо его знал, вдруг переменялся и перестал его уговаривать.

— Ладно, черт с тобой, придумаем что-нибудь, вали.

— Спасибо. — Макс двинулся к двери.

— Жить-то на что будешь?

— А я дом продал, бабкин.

Он шел по улице, и ему было хорошо. Так всегда бывает, когда сделаешь то, чего давно хотелось, и приходит облегчение. Несколько месяцев назад он вдруг понял, что работа ему не в радость, а последние две недели стало просто невыносимо. И вот все. Наконец-то! Можно расслабиться, не торопиться, никуда не бежать, не прыгать и не выжимать из себя трудовые подвиги.

Макс прошел по бульвару и спустился к реке, к тому месту, которое горожане с присущим им оптимизмом именовали набережной. Он любил здесь бывать, несмотря на некоторую грязь и общую неустроенность. Впрочем, это была обычная картина для всего города, да и для всей страны. Иногда он задумывался, почему так. Много мусорят или мало убирают? Скорее всего, и то и другое. Ну и бог с ним. Мысли роились в голове, но делали это довольно вяло, не причиняя излишних неудобств. А Макс просто сидел, наблюдая за водой. Домой не хотелось, совсем. Хотелось не пойми чего. Он достал телефон.

— Алло, Лень, привет. Да, нормально. Слушай, я подумал над твоим предложением, я согласен.

Трубка в ответ благодарно застрекотала и отключилась.

— Вот так, — сказал он прыгавшему рядом воробью.

Воробей снисходительно глянул на человека и попрыгал дальше по своим воробьиным делам. Макс встал и направился домой — собирать вещи. Потому как ближайшие три месяца он проведет за городом, причем довольно далеко, на даче своего приятеля Леньки Шестакова. Сам Ленька ввиду отъезда в страны неблизкого зарубежья по делам, а точнее на заработки, не мог посещать дачу и опасался, что она станет достоянием людей, не обремененных нравственными принципами, попросту говоря, дачных воришек. Вот и просил приятель Ленька приятеля Макса пожить на природе, заодно попробовать себя в качестве дачного сторожа. Макс сильно сомневался в своих охранных талантах, оставалось надеяться, что в обитаемое жилище просто никто не полезет. На том и порешили.

— Ну кажется, все, — сказал Макс, еще раз просмотрев собранные вещи.

Затренькал телефон.

— Да. — Он прижал трубку плечом к уху, застегивая сумку.

— Максим, ваш портрет готов.

— Какой портрет?

— Такой портрет, — язвительно заявил голос из трубки. — Ты что, парень, забыл?

— Ах да! — Макс вспомнил. — И что?

— Ты что, обкурился? — ворчливо поинтересовался голос. — Если портрет готов, его забирают, вешают на стену, любуются и вспоминают доброго мастера такими же добрыми словами. Кстати, полюбоваться есть чем, жаловаться не будешь, — довольно замурлыкал голос.

Макс призадумался. Положение было щекотливым. История эта случилась еще осенью. Он гулял в Центральном парке, свернул на аллею, где выставляли свои работы местные Ван Гоги и Рубенсы. Так просто свернул, без всякой надобности, поглазеть. Остановился около одного портрета. Женского. И ничего вроде необычного, однако было в нем нечто такое, что притягивало внимание. То ли во взгляде карих глаз, то ли в лукаво-игривой улыбке немного полноватых губ, то ли в кокетливом повороте головы. В общем, что-то было. Макс стоял, пытаясь понять — что.

— Нравится? — осведомился у него низенький толстячок с неопрятной шевелюрой. Вероятно, автор. Он подошел поближе, заложив руки в карманы немного тесноватых брюк, и встал, раскачиваясь с пятки на носок.

— Нравится, — не стал отрицать Макс.

— Богиня! — выдал толстячок. — А давай я и тебе портрет сделаю, — предложил он вдруг, прищурив левый глаз.

— Да нет, спасибо, не надо.

— А я бесплатно! — тут же выпалил он, продолжая любоваться собственной работой.

— А смысл?

— А ради искусства!

— Значит, портрет? Бесплатно? В полный рост? — спросил Макс. — В чем подвох?

— А он должен быть? Куда катится мир! — протянул толстячок пафосно. — В добрые порывы никто не верит. А может, мне интересен такой типаж, как ты? — Художник перешел на «ты» и наконец-то перевел взгляд на Макса. — С нее я вот денег тоже не взял. Правда, передать ей портрет не удалось.

— Это почему?

— Да уехала она, — с сожалением протянул он. — Говорят, куда-то в Европу. Эх, какая женщина! Какая женщина! Ну так что? Будем портрет писать?

— А что от меня-то нужно?

— Согласие.

— А позировать там...

Толстячок посмотрел на Макса, как на умалишенного.

— Да на черта мне твое позирование сдалось. Все, что нужно, я уже увидел.

— Так мог бы и так рисовать, без согласия, я бы и не узнал.

— Во-первых, писать. А во-вторых, без согласия никак нельзя. Не получится ничего.

— Ну раз так, тогда — конечно. Я согласен. Пиши. — Макс еще раз глянул на портрет девушки и двинулся дальше.

— Э-э-э! — окликнул его толстячок. — Ты далеко?

— А что?

— Телефончик оставь, как я тебя потом искать буду?

И Макс оставил. Потом решил, что зря. Будет еще ему этот ненормальный названивать. Но тот Макса не беспокоил, и он

вскоре совершенно забыл об этой истории. И вот те на! Портретист нарисовался.

— Что же мне делать? — проговорил Макс в трубку, размышляя вслух.

— Радоваться, друг мой, радоваться! — заявил голос из трубки. — Слушай, ты где живешь?

— На Островского.

— Отлично! — Голос в трубке неподдельно обрадовался. — Мои ребята сейчас как раз на Островского один заказ повежут, вот и тебе портрет закинут. Просто час побудь дома. Давай, друг мой, диктуй адрес!

И Макс продиктовал.

Через полтора часа он сидел на своем диване и рассматривал привезенный портрет. Увидев его, Макс слегка опешил и все еще не пришел в себя. Во-первых, полотно было огромным — с Макса высотой и больше метра шириной. Когда двое хмурых парней в синих комбинезонах занесли его в квартиру, она как-то сразу стала маленькой и унылой. Во-вторых... Эх, во-вторых, портрет Макса смущал. Это, несомненно, был он. И в то же время не он. Что-то другое, чужое было в этом парне, который спокойно и даже как-то устало смотрел на свой оригинал. К тому же парень на портрете был нелепо одет. Стиль милитари. Только если сбросить несколько сотен лет. Эти одеяния были похожи на доспехи. Грубая кожа, металлические детали, наручи, шипастые боевые перчатки. К тому же парень опирался на арбалет. Бред какой-то!

Снова затрещал телефон, отвлекая Макса от раздумий.

— Да, — бросил он в трубку, не глянув на номер.

— Любуешься? — радостно прошелестело в ней.

— Значит, все, что надо, увидел? Во что я одет? Хренотень какая-то!

— Понравилось, — словно не слыша Макса, радостно протянул голос, — ведь понравилось?!

— Ну допустим, — буркнул Макс.

— Ты зануда, — сообщил ему голос. — Может, поблагодаришь?

— Спасибо, — Макс почувствовал себя неловко, — мне действительно понравилось.

— А то, — чирикнуло в трубке, и та отключилась. Номер, кстати, не определился.

ГЛАВА 2

На следующий день Макс поднимался на крыльцо Ленкиной дачи. Вообще-то это была хорошая идея. Город с его пылью, удушающей бетонной жарой, гулом машин и визгом сигнализаций остался далеко, а Макс оказался здесь — в тиши, среди фруктовых деревьев, жужжания насекомых и веселого щебета птиц. Это как раз то, что ему было нужно в теперешнем состоянии. Ленка быстро показал и рассказал все, что нужно было показать и рассказать, и укатил, оставив приятеля наедине со своими размышлениями.

Бросив вещи, Макс отправился посмотреть на озеро.

— А вы кто?

Макс обернулся. Из-за соседского забора на него деловито смотрели мальчишеские глаза.

— Я друг дяди Лени, поживу здесь немного.

— Ну ладно, если друг, — быстро согласился обладатель глаз — светловолосый растрепанный пацан лет десяти — двенадцати. — А вы на озеро?

— На озеро, а ты как догадался?

— А все, как приезжают, на озеро телепают.

— Логично, — согласился Макс, пацан начинал ему нравиться.

— Только вы сразу в воду не лезьте.

— Это почему же?

— Так вы ж на мелком с мелюзгой купаться не захотите, а тут не бассейн, озеро у нас большое, старое, места разные есть, и закрутить может, спасай потом. Я вам после, если хотите, покажу, где можно без опаски купаться.

Макс с трудом сдержал улыбку, очень уж забавным казались такие пояснения из уст двенадцатилетнего мальчишки.

— Спасибо за совет, я буду очень осторожен, бывай здоров. — Макс помахал пацану рукой и пошел дальше.

До озера было недалеко, оно начиналось почти сразу за селом. Он свернул в сторону от маленького импровизированного пляжа, где с радостным визгом резвилась детвора, прошел вдоль берега подальше, и, когда крики молодежи стихли вдали, спустился к воде и сел, опершись спиной о ствол старого дерева.

Подумать только, всего в каких-то ста километрах большой город, промышленные предприятия, банки, всевозмож-

ные общества: открытые, закрытые и даже с ограниченной ответственностью, пробки на дорогах и сигналы мусорной машины по утрам. А здесь — озеро, русалки, пацаны-доброхоты. Как будто другой мир. Макс поднял плоский камешек и запустил его по воде. Камешек несколько раз подпрыгнул и благополучно утонул. Не удовлетворившись этой попыткой, Макс стал выискивать плоские камни и запускать их. Иногда получалось лучше, иногда камни тонули, не подпрыгнув ни разу. В случае удачной попытки провозглашалось голливудское «и-йес» или наше «нормалек», в случае неудачи обыденное — «вот блин!». Макс нагнулся в поисках очередного камня, и тут его скрутило, будто в живот воткнули бур и хорошенько провернули. Резкая боль заставила его упасть, поджав колени и схватившись за живот. Продолжалось это недолго. Буквально через несколько секунд боль ушла так же резко и внезапно, как и пришла. Будто ее и не было. Макс немного полежал, прислушиваясь к своему организму. Ничего. Осторожно встал. И замер. Потому что ни озера, ни леса вокруг не было. Вернее, было, да не то. Вода в озере приобрела какой-то синюшный цвет с вкраплениями больших бурых пятен. Деревья сморщились, ветки вытянулись и покрылись длинными сизыми иголками. В сочетании с черной листвой это смотрелось... а бог его знает, как это смотрелось. Необычно. Непривычно. Не так это смотрелось. Весь берег был облеплен непонятной растительностью. Продолговатые и очень узкие листья красно-бурого цвета вперемежку с бледными круглыми шляпками на таких же длинных рахитичных ножках. «Странно, и как они не ломаются?»

— А они очень крепкие, это же железная лоза, — раздался зади спокойный голос.

Макс резко обернулся, почему-то не удержался на ногах и плюхнулся на задницу.

— Что же вы делаете, дружок, в самом-то деле? Здесь, знаете, не то место, где можно спокойно расслаживаться. Вставайте, — так же спокойно проговорил незнакомец.

— Это почему? — Макс решил повредничать.

Вдруг земля вокруг него зашевелилась, и оттуда полезли тонкие бледно-розовые то ли корни, то ли стебли, очень похожие на червей. И потянулись они, что интересно, прямо к Максу. Тот вскочил как ошпаренный и отпрыгнул в сторону.

Стебельки-корешки разочарованно покрутились на месте и исчезли под землей.

— Это ловец. Обыкновенный. Болотный. Я бы советовал вам перейти сюда, на твердое.

— Господи, что за...

На этот раз Макс послушался и быстро перебрался поближе к незнакомцу.

— Болотный ловец — очень забавное растение. Оно плотно и даже, я бы сказал, обладает некоторыми зачатками разума. Конечно, быстрое подвижное существо ему не одолеть, уж слишком растение медлительно, но вот стоит кому-нибудь задуматься, присесть или там прилечь, в общем, остаться без движения, тут тебе и пожалуйста. — Незнакомец улыбнулся. — Ну вы понимаете.

Макс всюду разглядывал его. Это был мужчина в возрасте, но не старик. Одежда — стандартный набор грибника-любителя: сапоги, ветровка, шляпа и так далее по списку. Корзинки, правда, не было.

— Кому же придет в голову отдыхать в таком месте?

— Вам же пришлось, — невозмутимо проговорил он. — Есть еще всякие зверушки, которые приходят на водопой.

Макс глянул на воду — по его мнению, только ненормальная зверушка может пить отсюда, но спорить не стал.

— Скажите, а что это за место? — осторожно спросил он у незнакомца.

— А вы не знаете? Ах, ну да, ну да, вы же... — Он не договорил, внимательно посмотрел на Макса и продолжил: — Это очень интересное место, знаете. Это такое место, где приличному человеку и делать-то нечего. Если, конечно, им не движут высокие интересы. Вами не движут? — спросил он.

Макс покачал головой. Он вообще понятия не имел, кто или что им двинуло и как он очутился здесь.

— Но попадают, конечно, попадают, и частенько. И даже, можно сказать, помимо собственной воли. Пойдет человек, скажем, на озеро. Только присядет, только потянется за цветочком или за грибочком или там камешек подобрать — ап! — а он уже тут! Во дела!

Незнакомец поднял вверх указательный палец в доказательство важности своих слов, можно сказать, воздел перст, понимаешь, к небу.

— Чуть какая-то, так не бывает! — Макс осекся. — Я хотел сказать: так не должно быть!

Незнакомец смотрел на него сочувственно, даже с некоторой жалостью.

— Может, у меня галлюцинации? — пролепетал Макс.

— Может, — тот пожал плечами, — кто же его знает. Может, и галлюцинации, а может быть, и нет. Ладно, заболтался я тут с вами, а мне, знаете ли, любезный друг, пора. Дела, знаете ли!

Он приподнял свою шляпу в прощальном жесте, отвернулся и пошел в глубь этого странного леса.

— Стойте, — неуверенно проговорил Макс. — Подождите! — крикнул он, но незнакомец не дождался, а даже ускорился, как показалось Макс, и скрылся среди деревьев. Макс сделал пару шагов следом, но остановился. — Да что же это за чертовщина такая, что происходит-то?! — заорал он.

В панике крутнулся вокруг себя, кинулся куда-то бежать, споткнулся и полетел кувырком, даже не успев выставить руки. Ударился он сильно, причем несколько раз. Плечо сразу заныло, а в голове что-то зажужжало. Он со стоном перевернулся на спину и захохотал. Нездоровым громким смехом. Над Максовой головой спокойно колыхался большой раскидистый дуб. С нормальной корой и зелеными листьями, что характерно. Приподнявшись на локте и зашипев от боли, Макс оглянулся. Вокруг был обычный лес. Тот самый. И озеро то самое, вот, в нескольких шагах. Макс снова откинулся на спину. Он лежал, расслабившись и глядя сквозь колышущуюся листву на осколки неестественно голубого неба, и все. Просто лежал. И усиленно гнал от себя мысли о сумасшедшем доме.

Повалявшись с полчаса, Макс осторожно поднялся на ноги. Чуть постоял, сделал пару шагов к озеру, обратно, еще постоял. Ничего не происходило. Он подошел к воде. Присел. Ничего. Наклонился, зачерпнул в пригоршню и плеснул себе в лицо. Ничего. Мокро. Как и должно быть.

— Н-да, — протянул он и направился домой. Точнее, к Ленке на дачу.

Подойдя к калитке, остановился. Возле дома напротив, на низенькой лавочке под заборчиком, примостился старичок. Он сидел, попыхивая трубочкой с длинным выгнутым чубуком, и листал какую-то книжку. И то и другое старичок делал

с явным удовольствием. Именно старичок — не старик, не пожилой человек, а старичок.

Макс зачем-то подошел к нему:

— Здравствуйте!

Старичок внимательно оглядел Макса, встал, чуть поклонился, пожелал и Максу здравствовать, после чего уселся обратно.

— Кури. — Он протянул ему пачку папирос.

— Спасибо, я не курю.

— А, ну да... — Он задумался, почесал негустую бороденку, посмотрел на небо, потом как бы нехотя снова перевел взгляд на Макса. — Ты спросить че хочешь?

— Да нет, я... — Макс растерялся, вроде он действительно не хотел ничего спрашивать, но почему-то стоит здесь уже несколько минут, рассматривает этого деда.

— Как вы думаете, дождь завтра будет? — ни с того ни с сего выпалил он.

— А на шо тебе дождь?

— Да это я так, — растерялся Макс.

— Ты садися, че зря землю топтать.

— Да нет, спасибо, я пойду. — И Макс, резко развернувшись, пошел к дому, чувствуя себя совершенно глупо; вслед понеслось тихонькое покашливание.

Спал Макс плохо, всю ночь снилась какая-то ерунда, он все что-то искал, куда-то шел, чего-то хотел. Причем когда он просыпался, то никак не мог увязать увиденное в одну цепочку. Он прекрасно помнил все, что приснилось, но в одну связную картинку это не складывалось. Макс выходил на улицу, бродил вокруг дома, сидел на веранде, возвращался в дом, падал на постель и опять проваливался в странные сны, а просыпаясь, чувствовал себя разбитым.

К его большому удивлению, утром он ощутил себя бодрым и отдохнувшим. «Может, здесь воздух такой? Привык в городе к гадости всякой, вот здесь голову и кружит». Макс прошлепал на кухню, поставил чайник, залез в холодильник, быстренько соорудил пару бутербродов, заварил кофе и со всем этим богатством выбрался на веранду. Вообще-то он не любил завтракать бутербродами, но вчера ничего не приготовил, а сегодня было лень.

«А пацан был прав, хорошо здесь, — думал он, потягивая кофе. — Что же такое со мной случилось? Может, тепловой

удар? Так я в тени был, у воды. А может, стукнул сзади кто? Да нет. Что же тогда? А, ладно, было и было».

— Не бери дурного в голову, а тяжелого в руки, — сказал он вслух и встал. В следующее мгновение он закричал.

Макс закричал, его крик бросился вверх, закрутился и слился воедино с сотнями, тысячами таких же, превращаясь в рев древнего зверя. Люди в доспехах, вскидывая руки с зажатым в них оружием, громко приветствовали Золотого всадника, который лично решил объехать свою пехоту перед боем. Он несся мимо в сопровождении гвардии, размахивал мечом и тоже что-то кричал. Разобрать что, было невозможно, да и не нужно. Группа раззолоченных всадников умчалась, и все стихло, потому что наступал ответственный момент. Макс крепче перехватил копьё. Перед ним щитоносцы подравнивали строй, ворочая огромными ростовыми щитами. Было нестерпимо жарко. Шлем давил на голову, панцирь сжимал грудь, наручи вцепились в руки мертвой хваткой, древко копья обжигало ладони. Хотелось сбросить с себя всю эту грудую железа и кинуться с разбега в речку, тем более что та была совсем рядом, в какой-нибудь сотне шагов. Вон она серебрится между берегами, скрываясь за разросшимся кустарником. Но он стоял. Седьмой в четвертом ряду второго пула. Стоял, как и сотни других воинов справа и слева от него. Они стояли, напоминая живую стену из плоти и железа, и терпеливо ждали. Терпение и повиновение — их главные качества. Потому что они были «черепашники» — знаменитая панцирная пехота Лута, гордость и надежда Золотого города. Это они принесли ему богатство и славу, сделали Лут-на-Холмах — Лутом Золотым. Терпение помогало им преодолевать пески и болота, переносить жару, холод и дождь, проходить милю за милей, раздвигая границы. Повиновение помогало им удерживать ставший легендарным несокрушимый строй, отражать любые атаки и давить противника. Именно давить, потому что наступавшая «черепашка» больше всего напоминала огромный каток, который давил все, что попадалось ему на пути. Они стояли и ждали. А напротив стояла другая живая стена, над которой вздымался лес длинных копий.

Одинокая струйка пота выбралась из-под шлема, замерла, словно оценивая обстановку, и устремилась вниз к подбородку, прокладывая путь по пыльной щеке. Макс не обратил на

нее внимания. Он чувствовал, как растворяется, перестает ощущать себя и все больше сливается с теми, кто рядом. Он уже не он, а часть большого железного зверя, замершего, завидев противника, и приготовившегося к схватке. Сейчас. Уже сейчас. Все будет как всегда. Противник прыгнет, пытаясь разорвать «черепаху», ударится и отпрянет назад, полизывая ушибленную лапу, и, конечно, прозевает тот момент, когда «черепаху» двинется в атаку — медленно и неотвратно. Так накатывает волна на побережье. Кажется, она далеко, кажется, она катится еле-еле, и ты в любой момент успеешь отойти, но вот она у твоих ног, а вот уже захлестнула с головой, и спасти может только чудо.

Макс прозевал момент, когда конница двинулась вперед. Но вот они уже несутся навстречу ему и тем, что рядом.

Удар конников был страшен. Такого еще не было никогда. «Черепаху» дала трещину, и мир вокруг перестал существовать. Его место занял адский круговорот, в котором все подчинялось только одному — рвать, рвать чужую плоть, чтобы сохранить свою. Макс колол, бил, рвал, кусал, прыгал, падал, вставал. Если бы потом кто-нибудь попросил его рассказать, как все было, он бы не смог. Потому что это делал не он, а его тело. Оно хотело жить, это тело, очень хотело, и все было подчинено только этому — рвать другие тела, чтобы сохранить свое. А потом что-то тяжелое опустилось на голову, и Макс провалился в небытие.

Он очнулся от боли, лежа на спине в очень неудобной позе, нога затекла, правый бок ныл, в голове пульсировала боль. Звуки и ощущение реальности вернулись. Макс приподнялся на локте, затем медленно, с трудом встал. Его качало. Шлема не было, на виске запеклась кровь (интересно чья?), в руке зажат обломок меча. Откуда меч? Он медленно огляделся. Вокруг двигались люди, что-то делали, кого-то поднимали, куда-то несли, что-то собирали. А еще были трупы. Много. Очень много. В паре десятков шагов блестела река.

— А река осталась, — пробормотал Макс. Будто она могла куда-то деться. Он поплелся к воде. Дойдя, упал на колени, зачерпнул горстью воды, плеснул в лицо. Вода была грязная.

— Такой водичкой особо не отмоешься. — К Максусу подошел старик.

Он был в рваном цветастом тряпье, хотя на ногах красовались добротные сапоги; в левой руке держал кость с остатка-

ми мяса. Он присел на камень, торчавший у самой воды, тщательно осмотрел кость, хмыкнул и откусил кусок.

— Ты кто? — удивился Макс.

— Вопрос не в том, кто я, вопрос в том, кто ты? Вот кто они, — старикашка махнул рукой с зажатой в ней костью в сторону трупов, — понятно, а с тобой как быть?

Макс собирался было ответить, но резкая боль, взорвавшаяся в голове, не дала. Он зажмурился, прижав руки к вискам, и застонал.

— Что, болит? Ну это поправимо. — Нахальный старикашка соскочил с камня и раньше, чем Макс успел как-то отреагировать, сжал его голову руками. Боль отступила. — Вот и все, и не болит головушка, а с остальным ты уж сам. А мне пора, знаешь ли, у меня дел полно. Но ты, если что, захаживай, поболтаем о том о сем. — Он снова осмотрел кость, убедился, что полакомиться больше нечем, отшвырнул ее в сторону и, развернувшись, быстро пошел вдоль берега.

— И куда это я должен захаживать, если что? — пробормотал Макс, глядя вслед старикашке. Тот остановился, обернулся, махнул Максу рукой и исчез, растворившись в воздухе. Не веря своим глазам, Макс осмотрелся, потом сильно зажмурился, помотал головой и открыл глаза снова — перед ним спокойно колыхалась сирень, он стоял на веранде Ленькиной дачи.

«Или я схожу с ума, или сплю наяву, одно из двух». Он сел в плетеное кресло. Что же это, черт побери, происходит? Заглянул в чашку, кофе не осталось. Спокойствие, главное, спокойствие, как говаривал безобразник Карлсон. Меня просто сморило, и я не заметил, как заснул, вот и все. Хотя стоя не спят, люди во всяком случае».

Макс поднялся и тут же схватился за бок, чуть не завыв от боли. Осторожно задрал майку, боясь, что догадка подтвердится. Подтвердилась. Во весь правый бок растянулся приличных размеров синячище, хотя ребра вроде целы. Он ощупал голову и уже не особо удивился, обнаружив огромную шишку и запекшуюся кровь в волосах. Еще старик этот нелепый. Где я его видел? Словно во сне, он вошел в дом, прошелся по комнатам, заглянул в холодильник, постоял, разглядывая колбасу, достал бутылку пива, подержал, поставил на место, осторожно прикрыл дверцу и снова вышел на веранду.

Вдруг что-то вспомнил и быстро пошел по дорожке к калитке, вышел на улицу. Дед-сосед был на месте, на своей лавочке со своей трубочкой.

— Здравствуйте. — Макс улыбнулся старичку.

— Здорово, — улыбнулся тот.

— Я Макс.

— Это хорошо, шо Макс, а я вот Дед.

— Так просто — Дед?

— Так и просто. — Густая сеточка морщинок разбежалась вокруг Дедовых глаз. Он улыбался. Дед стал набивать трубку табаком, закончив, аккуратно раскурил и довольно затянулся.

Макс молча наблюдал.

— Странный ты, подойдешь и молчишь, че молчишь-та? — бросил Дед.

— Да задумался, извините. Ленька говорил, что напротив его дома дед живет, он такие места для рыбалки знает, просто обалдеть, уж не тот ли вы самый дед?

— А шо, если и тот самый?

— Так, может, на рыбалку сходим, вы меня проводите, я-то здешних мест не знаю.

— Хе! Вроде есть места, которые ты знаешь, — буркнул тот.

— Я заплачу, все по-честному, как проводнику, ну так что?

— А почему не сходить, сходить можно, завтра в шесть и пойдем.

— В шесть? А что так рано?

— А че тянуть?

— Ну в шесть так в шесть, до завтра.

— Ага.

Ближе к вечеру он вспомнил, где видел того нелепого старика с костью в руке. Это был грибник с болота. Только старше и грязнее.

ГЛАВА 3

В эту ночь Максусу снилось море. Наверное, таким оно было в те времена, когда еще не существовало материков, а был один громадный кусок суши, называемый современными географами Пангея. Макс думал об этом, проснувшись и глядя в потолок, на улице уже светлело, он глянул на часы — 5.45.

Почти шесть, рань-то какая. Стоп, Дед говорил, в шесть выходит. Макс вскочил и начал одеваться. Натянул майку, влез одной ногой в штанину и застыл.

— А пошел он! — Бросил джинсы, стянул майку и упал на кровать. Через минуту снова вскочил.

Деда он догнал уже на окраине деревушки.

— Утро доброе.

— Доброе, — прокряхтел Дед. — Проспал?

— Нет, думал идти или послать это все куда подальше.

— Так и надо было послать, — совершенно серьезно сказал Дед, глядя себе под ноги, — а теперь оно и поздно будет.

Они вышли к озеру, прошли вдоль берега. На том месте, где Макс бросал камни, Дед остановился. Постоял немного, посмотрел на юношу, потом на озеро и двинулся дальше, ничего не сказав. Макс так же молча потянулся следом, думая о том, как так получилось, что он в такую рань плетется по лесу вслед за совершенно незнакомым ему человеком.

Тропка петляла, огибая деревья, взбираясь на холмики и ныряя в овражки, она была такая узкая, что идти можно было только гуськом, а вскоре и совсем пропала. Часа через три Макс понял, что обратной дороги самостоятельно не найдет. Нет, он, конечно, считал себя подкованным и, как любой горожанин, искренне верил, что определить сторону света и направление сможет без труда. Только здесь все было не так, как пишут в книгах, все как-то неправильно. Во-первых, солнце скрывалось за кронами и вообще двигалось куда-то не туда; во-вторых, остальные приметы тоже не очень ему помогали. «Мох растет с северной стороны деревьев»... — ну и где она, ваша северная сторона, вон мох облепил деревья вокруг. А муравейники! С ними вообще проблема; может, в этом лесу нет муравьев? Что там еще? «С южной стороны пышнее крона» — ну и где? Короче, облом. Он глянул на Деда, тот спокойно шлепал себе, насвистывая какую-то песенку. «Этот точно знает, где мох гуще», — подумал Макс.

— И далеко нам еще?

— Да не, — с готовностью откликнулся Дед, — щас еще чуточку пройдем, потом пожуюем, да и дальше пошлепаем.

— То есть у нас, как у заправских туристов, привал будет? Привал — это хорошо, привал — это правильно! Потому как это способствует не только снятию напряжения в мышцах, двигающих конечности, но и дает возможность подкрепить

свой истощенный организм недостающими калориями и витаминами, а также полюбоваться местными красотами, что благотворно сказывается на общем развитии человека. Естественно, при наличии оных, — изрек Макс, воздев руку к небу и пытаясь обратить на себя внимание Деда. Шутка не прошла.

Где-то через часик они вышли к небольшому родничку.

— Вот тут и передохнем. — Дед присел около родничка, зачерпнул воды ладонями и плеснул себе в лицо. — Гарнесенько, пить можешь безо всякого, водичка чистая.

Макс молча уселся рядом и стал пить, зачерпывая воду ладонями.

— Ну как? — Дед явно ждал его реакции.

— Божественно! Просто чудо, гм. — Он сделал глоток. — Этот неповторимый букет, — еще глоток, — гм! А это послевкусие! Шикарно, шикарно!

Дед недоверчиво посмотрел на Макса, отошел в сторону и уселся под здоровенным стволом неизвестного Максудерева.

Сам же Макс тем временем решил, что называется, проинспектировать кусты. Перепрыгнул через ручеек, забрался туда, где погуще. Он понимал, что вокруг никого нет, но цивилизация, друзья мои, цивилизация. Она крепко сидела в подкорке, диктуя, что и как делать. И сейчас, посреди этого безлюдного леса, она говорила ему — уединись. Вот и уединился. Макс уже собрался выбираться, когда почувствовал сзади шорох. Ему вдруг сделалось страшно. Какой-то жуткий первобытный страх стал расплзаться по телу, по спине побежали мурашки. Жутко хотелось обернуться и посмотреть. Он чувствовал, что сзади кто-то дышит, двигается и как бы принюхивается. Зверь какой? Наверное, зверь. Макс медленно повернулся и встретился глазами с тем, кто стал свидетелем его уединения. Страх превратился в панику с моментально вспотевшими ладонями и испариной. Да, сквозь листву на Макса смотрела довольно большая, с хорошего теленка, зверюга. Он почувствовал, как ноги превратились в вату, руки стали предательски подрагивать, и ему непреодолимо захотелось заорать. Жуткая тварь в упор рассматривала Макса, как бы оценивая его. «Прыгнет — не прыгнет, прыгнет — не прыгнет», — демонским молоточком стучало в виски. Не прыгнула. Вместо этого она неясно хмыкнула и, скакнув куда-то в сторону, в одно мгновение скрылась в зарослях. А Макс продолжал стоять, безуспешно пытаясь успокоить бешено коло-

тящееся сердце. Хорошо хоть зверюга вышла уже после того, как он... ну вы понимаете, а то бы осрамиться пришлось. Больше всего его поразили не размеры твари, не хищно оценивающий блеск желтоватых глаз, не клыки размером с его ладонь. Больше всего Макса поразило и испугало то, что никогда и нигде он не встречал изображения или описания подобного зверя. Его наконец отпустило, вернулась способность двигать руками и ногами. Макс никогда не думал, что страх может быть таким всеохватывающим, парализующим. «Интересно, что бы я делал, если бы она все-таки прыгнула?» На плохо гнущихся ногах он выбрался на полянку, где оставил Деда. Тот сидел под тем же деревом, в той же позе и даже подремывал. Макс упал рядом.

— Слушай, Дед, а тут хищники водятся? — как можно спокойнее спросил он.

Дед нехотя открыл глаза

— Ну када-та волки были, да теперь нет, постреляли усех.

— А кроме волков?

— А черт их знает. Ну лиса, ну хорь, ну може, ласка какая. Тебе на шо они сдались, ты ж на рыбалку вроде шел?

Вместо ответа Макс достал из рюкзака неразлучный блокнот и ручку, что-то стал быстро черкать. Дед внимательно наблюдал.

— Вот. Я, конечно, не художник, но в целом похоже. — Макс протянул блокнот Деду.

Тот взял и уставился на рисунок, на котором красовалась зубастая тварь с мощными лапами, маленькими, прижатыми к лобастой голове ушками; чем-то она была похожа на бойцовых собак — грудь бочонком и небольшой зад, вот только рожа не собачья.

— И чего это?

— Не знаю, — прохрипел Макс, — только похожее создание минуту назад пялилось на меня вон там. — Он махнул рукой на кусты.

— И здоровая она?

— С телка ростом и... — Макс запнулся, — понимаешь, Дед, по-моему, она была покрыта чешуей, ну как у ящериц...

Дед снова внимательно посмотрел на Макса, в глазах его плескалась тоска.

— Не бывает таких тварей на белом свете, парень; то небось в телевизире таких пугал показывают. От заразы! Пона-

придумают! Еще и детям показывают! Тьфу! — Он в сердцах сплонул.

— Я видел ее, понимаешь, Дед, видел, — спокойно сказал Макс и встал. Он прошелся взад-вперед, присел, снова встал, почесал в затылке. Дед не мешал. Макс постоял еще немного, наклонился за веточкой, валявшейся в траве, и... упал.

...Лететь было прилично, метров десять. Он постарался сгруппироваться и прямо войти в воду — почти получилось. Рядом шлепнулось несколько стрел, одна на самом излете чуть клюнула в плечо, уже под водой. Рагийцы никогда не были хорошими стрелками, да что там, дрянными стрелками были рагийцы. Вот в ближнем бою другое дело. Макс постарался проплыть под водой как можно дальше и, когда уже грудь начало сдавливать, вынырнул глотнуть воздуха. Огляделся и порадовался за себя, он отплыл достаточно далеко, теперь стрелы были не страшны. Он даже помахал оравшим проклятия крепышам на стенах. Макс начал спокойно загребать, направляясь к мысу. Даже если колченогие и соберутся отправить за ним лодку, случится это не скоро. Единственный спуск к морю был далековато. Пока добегут, пока лодку наладят (морьяками рагийцы были еще более худшими, чем стрелками), он будет уже за мысом, где без труда выберется на сушу и уйдет. Благо море сейчас спокойное, плыви себе и плыви. Но фортуна распорядилась по-другому. Из-за того самого мыса показался нос корабля. Это точно была не рагийская лодка, это был полноценный боевой корабль — узкая хищная морда быстро и проворно скользила по морской глади, казалось, корабль летит над водой. Из огня да в полымя. Макс перестал грести, от этих не уйдешь, тем более что его заметили. Корабль мог принадлежать только бурретам — морским охотникам, державшим в постоянном страхе побережье и успешно тягавшимся с имперским флотом. Он не ошибся. Корабль подошел почти вплотную, а еще через пару минут его вытянули на палубу.

— Здорово, приятель! — На него жизнерадостно скалился здоровенный лысый детина. — С прибытием. — И он, недолго думая, почти без замаха засадил огромным кулачищем Максуду под дых. Макс согнулся, хватая воздух искаженным ртом, словно рыба, брошенная на берег...

— Ниче, ниче, щас попустит. — Это был Дед. — Ты сидай, сынок, отдышися. Полегшало? Вот и гарно, вот и гарнесенько! Хлебни-ка вот.

Дед подал Максy железную кружку, из которой доносился запах свежезаваренного чая с травами. Макс послушно хлебнул. В меру горячая жидкость побежала вниз, согревая и облегчая дыхание.

— Дед, есть два варианта: либо я сойду с ума, либо кто-нибудь мне все-таки объяснит, что же происходит. Вот ты можешь объяснить? А, Дед?

— Это тобі до врачей нада, у вас там, у городе, их багато, один одного вумнее, вот и сходил бы.

— Тут не к врачам, тут впору в психушку направляться.

— И часто ты так плюхаешься?

— Как — так?

— Да так! Метался ты, метался из стороны в сторону, потом наклонился и — бац, смотрю, уже лежишь задом к небушку.

— Да-а, все страньше и страньше, как говаривала Алиса, — протянул Макс.

Еще через полчаса они собрались и двинули дальше в непонятном направлении. Точнее сказать, непонятным оно было только для Макса. К озеру, которое Дед именовал Дальним, они вышли уже к вечеру.

— Ну вот оно, Дальнее озеро, — торжественно произнес Дед с такой гордостью, будто существование этого самого озера его, Деда, непосредственная заслуга.

— Красиво.

— А то! Ты уху любишь?

— Готовить или есть?

— Хе, — крикнул Дед, — для начала рыбку словить надо.

Рыбку «словили» на удивление быстро. Причем Макс и словил. Вначале он с понятным сомнением отнесся к врученной ему Дедом корявой палке с куском лески и крючком на конце, но, когда уже через несколько минут на это чудо техники поймалась первая рыбина, Макс убрал свои сомнения подалее и просто ловил. Уху варил уже Дед. Знатная, надо сказать, получилась ушица.

Макс лежал, закинув руки за голову и глядя на звезды. Уха была съедена, чай выпит, банальные истории из рыбацкой жизни рассказаны. Дед сидел у костерка и пыхтел трубкой. А Макс лежал и думал. Все происходящее с ним было настолько непонятным, что он даже не знал, как к этому относиться. Дед говорит, обморок. Может, и обморок, но видения эти, да и тварь в кустах. Макс был уверен, что она была вполне материальна. То ли к врачу бежать, то ли просто выпить, то ли плюнуть на все, вернуться в город и жить как жил. Может, это места здесь такие. В городе ведь никаких видений или галлюцинаций у него не было. А ну его к чертям! Макс поднялся, походил немного, подбросил в костер дровишек, присел рядом. Мысли роем кружились в голове, причем самые разнообразные. То он представлял, что попал в руки злодеев-гипнотизеров, которые проводят на нем опыты. То, что его опоили члены какой-то тайной секты, и что, может, он вообще никуда не выезжал, а лежит себе дома на диване в наркотическом трансе, а сектанты делят его имущество, а может, и внутренние органы. Макс поежился — с почкой расставаться не хотелось, очень. Или с печенью. Хоть он и не берег ее, родимую, по молодости, но все ж своя, и другой не будет. Когда в Максовой голове, оттесняя остальные мысли на второй и третий планы, нарисовалась огромная летающая тарелка с инопланетянами-людоедами, он понял, что хватит. Снова встал, прошел к воде, умылся и решил, что будет спать. Заснул он с картиной массового и бесчеловечного испытания нового психотропного оружия на живых людях.

Проснулся Макс сразу, сел одним рывком, совсем не понимая, где он, и не совсем понимая, кто он. Наконец он окончательно сориентировался, вспоминая все, что случилось вчера, и огляделся вокруг. Деда нигде не было. «Сбежал», — было первой мыслью Макса, а может, привиделось ему все. Ни первый, ни второй варианты хорошего настроения не прибавляли. Вдруг сзади раздался тихий шорох и хрустнула ветка. Макс резко обернулся. Над потухшим костром стояла девушка. Макс застыл, не зная, как реагировать.

Девушка была красива, но красота ее была какая-то не такая, не людская, одним словом, красота. Она была высокой, стройной, с длинными, черными как смоль волосами, спускавшимися ниже поясницы. «Это ж сколько шампуней-бальзамов надо», — мелькнуло в голове Макса. У нее было вытя-

нутое, немного скуластое лицо, большие раскосые глаза, тоже черные, причем полностью. То ли зрачки уж очень большие, то ли белков совсем нет. При этом кожа была непонятного пепельного оттенка. У правого виска начиналась замысловатая татуировка, узор шел по щеке, затем по шее и прятался за воротом длинного платья, ладно облегающего фигуру. По бокам наряда почти от самого пояса шли разрезы, открывавшие стройные загорелые и босые ноги с тонкими браслетами вокруг лодыжек. На руках красовались такие же, только с небольшими зеленоватыми камешками. Вот и весь гардеробчик.

— Здравсте, — выдавил Макс.

Девушка немного постояла, разглядывая его в упор, а потом шагнула через потухший костер. С одной стороны шагнула, на другой не появилась, просто исчезнув. Макс тихонько застонал. Перед глазами все яснее всплывала больничная палата с зарешеченным окном и добрая седая бабушка-нянечка: «А вот мы сейчас укольчик сделаем, и хорошо будет...»

— Проснулся? — Дед появился неожиданно.

— Дед, а в психушке хорошо кормят?

— Откуда ж я знаю, мне туда вроде и не надо. А на шо тебе?

— Ну как, вот полежу сейчас, потом водички попью, а потом ты меня обратно в деревню отведешь, а там я уж сам в город, в психушку. В ней таким, как я, самое место. Буду жить в одной комнате с Наполеоном или каким-нибудь человеком-собакой. На прогулки ходить в парк, а по воскресеньям — в библиотеку. Все у нас будет резиновое, чтоб голову себе не поразбивали, и вилок в столовой давать нам не будут.

— Ишь ты! Красиво малюешь, прямо хоть с тобой иди. Шо, опять че-нибудь привиделось?

— Ага.

— И шо теперь?

— Девушка с черными глазами без зрачков.

— Во как! — удивился Дед. — Красивая?

— Красивая... — сказал Макс.

Они решили остаться на озере еще на пару деньков. Погода была чудесная — чего ж не остаться. Ничего особенного не происходило. Они разговаривали, пили фирменный дедов чайк с мятой, ловили рыбу, валялись на солнышке, в общем, бездельничали. Макс не задавал никаких вопросов. Ему было хорошо.

Но хорошо, как водится, долго не бывает. Потому что в

один прекрасный миг, когда Макс шел от воды к их костерку, у него вдруг закружилась голова, перед глазами все поплыло, и он слепо зашарил вокруг руками в поисках опоры. Но опоры не было. Через несколько мгновений его отпустило. И Макс обнаружил две вещи. Первая — что он стоит на своих ногах, будто ничего и не было. Вторая — то, что Дед исчез вместе с трубкой и пеньком, на котором сидел. Макс уставился туда, где тот только что был, беспомощно лупая глазами. Деда не было. И леса, в который привел его Дед, тоже не было, и озера, на котором рыбачили, тоже. Вернее, лес-то был, да только не тот. Не тот, и все. Деревья другие, да и все не такое, даже цвет неба поменялся. Нет, оно не стало зеленым или красным, но все же у него был другой цвет. Макс не был знатоком ботаники, но он точно мог сказать, что такие деревья в их краях не росли. Вот, например, огромный кряжистый ствол, человек пять надо, чтобы его обхватить. Казалось, что это и не дерево вовсе, а переплетение каких-то гигантских живых узлов. Длинные светло-зеленые листья с заостренными краями. Ладно, особенности местной флоры и фауны мы рассмотрим потом, где же Дед?

— Эй, Дед, ты где? — осторожно позвал Макс. — Дед, — крикнул он, — мне надоели твои шутки, выходи! — орал он уже во все горло, с ужасом понимая, что Дед не выйдет. — А так было хорошо, рыбку ловили, — устало проворчал Макс. Он сделал несколько шагов, остановился, потоптался на месте. — Забавно я, наверное, выгляжу со стороны. Ну и что теперь делать? — раздумывал он вслух. — А-а! Будь что будет! — И Макс уверенно двинулся вперед.

ГЛАВА 4

Он шел, не выбирая дороги, тем более что дороги тут и не было. Ему было все равно куда идти, он шел, просто чтобы не стоять на месте. Потому как из всех состояний меньше всего он любил стоять на месте. У него начинали затекать ноги, болеть спина и ухудшаться настроение. Идти было не то чтобы тяжело, скорее некомфортно. Макс постоянно цеплялся за выступающие из земли корни, его задевали свисавшие ветки, но больше всего ему досаждала паутина. Видно ее не было, и он мог ее обнаружить только тогда, когда она облепляла лицо.

Это было неприятно. В конце концов он подобрал небольшую веточку и шел, размахивая ею перед собой. Через некоторое время он остановился, решив немного передохнуть.

— Хорошо-то как, господи! — прошептал он. — Чистый воздух, тишина вокруг, знать бы, что теперь делать. Ну вот иду я, иду — куда? зачем? Непонятно.

Макс понимал, что то, что сейчас с ним происходит, как-то связано с его прошлыми видениями, или не видениями, а что это было, бог его знает. Только тогда он сразу находился в гуще людей и событий, а сейчас никого и ничего. Был в лесу и в лесу оказался. Один. Да и прошлые разы все быстро заканчивалось, а сейчас... по скромным подсчетам Макса, прошло часа три с того момента, как исчез Дед.

— Надо воду найти, — вслух подумал он, — скоро жажда начнет мучить.

Поставив себе конкретную задачу, Макс повеселел. Оставалась самая малость — понять, где в этом ненашенском лесу может быть вода, и найти ее. С учетом того, что Макс и в нашенском лесу не смог бы отыскать место с водой, задачка была та еще. Поэтому он решил просто двигать куда-нибудь, авось натолкнется на воду.

Так и сделал. Для нашего человека *авось*, что для немца четкий распорядок. Лес вокруг стал густеть, и постепенно Макс оказался в непролазной чаще. Причем к деревьям добавилась высокая трава, похожая на папоротник, и какой-то кустарник. Вот и сейчас перед ним были обширные заросли особо колючего представителя местной кустарниковой растительности.

— Ну и черт с тобой! — громко сказал Макс и полез напролом.

Он с трудом продрался через густые ветки, порвал рукав рубашки, остановился, пытаясь отодрать от одежды налипшие колочки, и вдруг замер, понимая, что кто-то пристально на него смотрит. Он медленно поднял глаза и остолбенел. Буквально в нескольких шагах от него стояла та самая девушка, которую он видел у потухшего костра. А рядом с ней спокойно высилось Нечто. Огромный человекоподобный зверь. Он был действительно огромен — под два метра ростом, широченные плечи, массивные руки-лапы, ноги-столбы. Кожа сероватого оттенка была гладкой-гладкой, и такое ощущение,

что он или оно только что обмазалось маслом или жиром. Звероподобный был лыс, маленькие уши плотно прижаты к голове, темные глаза зажаты между надбровными выступами и высокими выступающими скулами. Дополнял картину большой рот с массивной нижней челюстью. Все это сооружение, именуемое головой, покоилось на толстой короткой шее, переходящей в нагромождение мышц-узлов вместо плеч и торса. Идеальная боевая машина. Интересно, насколько быстро это двигается. Как ни странно, чудище было одето — кожаные штаны, короткие сапоги, распахнутая безрукавка. На руках браслеты, золотые. Похоже, странное существо все-таки ближе к человеку, чем к зверю, и скорее это он, а не оно. Девушка по сравнению с ним выглядела совсем миниатюрной. Оказалось, что белки глаз у загадочной незнакомки все ж таки были, просто невероятно большие зрачки создавали впечатление их отсутствия при беглом взгляде. Сегодня она была в чем-то вроде греческой туники, подчеркивающей достоинства фигуры, а на ногах красовались плотно облегающие сапожки из мягкой кожи. Девушка улыбнулась — как-то настолько по-домашнему и спокойно, что Макс тут же захотелось полностью расслабиться, присесть на травку рядом с ней, поболтать о чем-нибудь пустяковом. Казалось невероятным, что обладательница такой улыбки может быть опасна. Да и чудище рядом с ней выглядело домашней собачонкой. В следующую минуту звероподобный показал, что он не домашняя собачонка и двигается куда как проворно. Он моментально оказался рядом с Максом и, прежде чем тот успел как-то отреагировать, сгреб его в охапку. Макс тут же почувствовал, что отключается, проваливаясь в темноту.

Звук был знакомым. Точно! Так звучит падающая вода. Словно капает из плохо закрытого крана. Вот. Кап. Кап. Еще раз. Макс с некоторым трудом открыл глаза. Да, это была вода, и капала она с потолка пещеры. А сам он лежал на полу — холодном и неудобном, между прочим.

— Доигрались, блин, рыбаки хреновы! — выругался он. Попробовал встать и не смог. Оказалось, что он связан. — Та-ак, это что-то новенькое в наших отношениях, — пробормотал Макс. Попробовал сесть. С трудом, но это у него получилось. Он чувствовал себя совершенно разбитым. — Что ж это вы творите, лесные братья?

Может, перегрызть веревку? Он попробовал дотянуться зубами до связанных ног. С таким же успехом можно было прыгать за звездами.

— Говорили мне хорошие люди: Максимка, делай зарядку, не то теленочком станешь. А ведь в фильмах-то дотягиваются и грызут, черти, еще и как. Не годишься ты, Максимка, в супергерои.

Сидеть было неудобно, и он решил доползти до стены, чтобы можно было опереться. Ерзая по полу, он таки до нее добрался и оперся, безумно радуясь своей маленькой победе.

— Ползать — это да! Ползать мы мастера, ползать мы с детства обучены! Хорошо хоть в этой пещере полы гладкие, а то бы сидел ты сейчас, Максимка, с разодранными штанами и окровавленной задницей. И что характерно, некому было бы смазать твои раны зеленкой. — Макс вдруг заметил, что разговаривает вслух. — Ну и ладно, — сказал он с некоторым вызовом непонятно кому и стал оглядываться. Откуда-то сверху в помещение проникал свет, поэтому видно было хорошо. Пещера оказалась небольшая, шагов тридцать в одну и в другую сторону, почти круглая, с высоким сводчатым потолком и, как уже замечалось ранее, до неприличия ровным и гладким полом. Стены были как стены — обычные стены обычной пещеры. Хотя кто его знает, какие они обычные. Посреди пещеры имелось небольшое углубление, заполненное водой, куда сверху неторопливо и размеренно падали большие тяжелые капли. Прямо напротив Макса виднелся проход — надо понимать, вход-выход из этих апартаментов. Макс прислушался. Да, так и есть — из прохода доносились шаги. Когда в пещеру вошла та самая девушка, Макс не удивился. Более того, он был уверен, что именно ее и увидит.

— А вот и гостеприимные хозяева, — весело выкрикнул он. — А что же шановна пани одна, где же ее доблестный рыцарь? Где этот ласковый и нежный зверь?

— Кэш не зверь, — проговорила она. Это были первые слова, услышанные Максом из ее уст.

Он замолчал, вслушиваясь в ее голос. Так пробуют вино — не спеша, маленькими глоточками, катая их на языке и только потом проглатывая, ожидая послевкусия. Некоторые, говорят, дожидались. Макс знатоком вина не был и загадочное слово «послевкусие» употреблял исключительно потому, что оно ему нравилось. Голос у девушки был мелодичный, очень

приятный, он представил, как она поет. Хорошо, должно быть.

— Кэш не зверь, просто наши мужчины так выглядят. — Она обошла лужицу посередине и, приблизившись к Макс, присела на корточки. — Веревки не сильно жмут?

— Да как вам сказать, милостивая госпожа, может, и не сильно, а может, и сильно, я уж и не знаю — онемело все.

— А так легче? — Она потянулась вперед и как-то чересчур легко развязала веревки.

— И зачем меня сюда притащили, добрые люди? — бросил он, растирая занемевшие руки. Он ждал, что сейчас по рукам и ногам побегут неприятные колючие мурашки, но ничего такого не произошло.

— Ты прости, что связали, так надо, — сказала она; подумала и добавила: — Мы не люди.

— Ну да, конечно, это я понял, а кто?

Она промолчала, внимательно его рассматривая.

— Слушай, а может быть, ты галлюцинация, ты мне видишься? А?

Девушка не ответила, только покачала головой — нет.

— Просто думать, что все это галлюцинация, лучше для здоровья.

Она снова промолчала.

— Ладно, будем считать тебя сном. Забавным и продолжительным.

— Мы сейчас выйдем отсюда вместе, ты ничему не удивляйся и не волнуйся, тебе ничто не грозит. Хорошо?

— А если я скажу «нехорошо», что-то изменится?

— Тогда тебя понесет Кэш, он говорит — ты такой легкий.

— Кэш? А, ну да, этот гипертрофированный борец сумо.

— Кто?

— Борец сумо, есть такая борьба в Японии. Очень большие дядьки дерутся друг с другом. Очень впечатляет.

— А это почетно?

— Бороться? Конечно, насколько я знаю, очень даже.

— А Япония — это что?

— Это страна, остров, точнее, острова, земля воинов.

Девушка вдруг улыбнулась. И Макс опять смутился. Это была улыбка ребенка, который в первый раз в жизни увидел красивую игрушку, и ему сказали, что это ему. Здесь было все:

восхищение, гордость, радость, счастье — короче, весь набор известных Максу позитивных эмоций.

— Кстати, тебя как зовут?

— Ойра.

— А я Макс.

— Пойдем, Макс.

— Ну пойдем.

Выйдя из пещеры, они попали в другую, более просторную и более темную. Здесь к ним присоединился Кэш. Макс инстинктивно отшатнулся, когда тот шагнул к ним из полумрака.

— Не бойся, не трону. — У него оказался низкий, но приятный голос. Если закрыть глаза и не видеть говорящего, никогда не подумаешь, что голос принадлежит чудовищу. «Стереотипы, стереотипы, все мы живем в мире стереотипов», — подумал Макс.

— Ты готов? — спросила Ойра.

— Смотря к чему. Если, скажем, съесть бифштекс, да с пивком — то на все сто. А вот если прыгнуть со скалы, то, пожалуйста, не очень.

— Есть тебе сейчас нельзя, — совершенно серьезно сказала девушка.

Спросить почему Макс не успел. Раздался звон, похожий на удар гонга, и вдруг стало светло-светло. Кэш и Ойра повернулись, глядя Макс за спину. Он тоже повернулся и обалдел. Он помнил о просьбе Ойры не удивляться, он и не удивлялся, потому что состояние шока, в котором он находился, вряд ли можно назвать удивлением. Они стояли в самом начале огромного зала-пещеры. Размеры его поражали. Футбольное поле вместе с футболистами, трибунами, свистящими болельщиками и местным дворником-философом Никанорычем спокойно могло примоститься в одном из уголков. Колонны в три обхвата, стоявшие у стен, уходили далеко вверх, ныряя под арочный потолок. А под самим потолком, прямо в воздухе, без видимых опор и креплений висели большие серебряные шары, которые и освещали все пространство вокруг. Прямо у ног Макса начиналась прямая мощеная дорога, которая упиралась в ворота сказочного дворца. Он стоял посреди этой немыслимой пещеры. Резные ворота, высокие стены, башенки, купола, стрельчатые окна — все это завораживало и притягивало. Настоящий игрушечный дворец, аккуратно вы-

резанный из камня неведомыми мастерами. Он подсвечивался изнутри, и архитектура его была настолько непохожа на все виденное Максом раньше, что, если бы он попытался потом описать это, он бы не смог, наверное.

— Это что? — пролепетал он.

— Это большой чертог, а впереди дворец Ашери.

— Это ж кто такое строит?

— Наши предки вырастили его из камня, это святое место, — пояснила Ойра, а Кэш легонько подтолкнул Макса в спину. И на этот раз Макс был ему благодарен, потому что без посторонней помощи мог и не сдвинуться с места.

— Вырастили из камня, — буркнул он, шагая вперед и решив все воспринимать как должное. Вырастили и вырастили. Кто-то лук выращивает, помидорчики-огурчики, а кто-то дворцы, как говорится — кому что ближе.

Когда первое ошеломление прошло, Макс все же решился на расспросы:

— И зачем меня туда ведут?

— Тебе предстоит встретиться с нашими старейшинами.

— Зачем?

— Так надо.

— А, ну да, ну да, как же не понять, надо так надо.

Но Ойра и Кэш молчали, не произнеся больше ни одного слова.

Наконец они подошли к входу.

— Хороший домик. — Макс рассматривал ворота высокой этажа в три. Дворец выглядел игрушечным только издалека. Вблизи оказалось, что размеры его довольно приличны. Правда, красоты это не убавило. Они стояли у входа молча, и даже Макс, которому очень хотелось задать массу вопросов, не произнес ни звука, очарованный этой красотой и величием.

Прошло минут десять, а может, и больше, когда ворота открылись. Произошло это настолько бесшумно, что Макс даже не сразу заметил. Они ступили под своды. Там их встретил десяток таких же, как Кэш, мощных парней. Они без слов обступили пришедших и пошли вместе с ними — эскорт, надо полагать. «Приятно было бы с таким эскортом прогуляться по городу, все обзавидовались бы».

Они миновали ряд коридоров, залов и переходов и в конце концов остановились в одном из залов. Он был не очень боль-

шой, но у дальней стены возвышалось несколько массивных пустых кресел — троны, что ли? Вдоль стен висели длинные узкие фиолетовые полотнища с различными непонятными Максу знаками. Едва они вошли в зал, как все Максовы провожатые рассыпались вдоль стен, а Ойра вообще осталась за порогом.

Макс стоял один посреди зала. Вдруг с двух сторон от кресел-тронов открылись дверцы, которые он сразу и не заметил, и оттуда вереницей вышли люди, или как их там, этих Кэшей, называют. «А ведь точно не люди», — почему-то только сейчас осознал Макс. Стало как-то неприятно. Не зная, что делать, он начал считать вошедших: семеро; трое вышли справа и четверо слева. И каждый занял по одному из тронов, которых тоже оказалось семь. Некоторое время ничего не происходило, а затем те, кто пришел с Максом, развернулись и вышли, двери за ними закрылись. Их осталось восемь — Макс и семеро старейшин, или старейшиц, или как там называют старейшин-женщин, потому что вошедшие были женщинами. «Ну что ж, бабульки, пообщаемся», — подумал Макс. Он не мог сказать, почему решил, что перед ним пожилые женщины, тем более что внешностью они не особо отличались от Ойры, только одеты пышнее, и у каждой на шее висела массивная цепь из непонятного металла, на которой красовались яркие камни разных цветов. А ведь их семь, как цветов радуги. Ну да, точно! Вот справа налево: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Старейшины сидели, молча глядя на Макса. И Макс молчал, разглядывая их. Ему было очень интересно, чем все это закончится. А закончилось все это ничем. Старейшины посидели, посмотрели, так же молча встали и так же молча вышли. Макс, в который раз за последнее время, оторопел. Он ожидал всякого — расспросов, каких-то действий, попыток наконец, а их не случилось. Посидели, посмотрели, и все. Дверь сзади него открылась, и вошел Кэш.

— Пойдем.

За дверью их ждала Ойра, эскорта не оказалось.

— То ли мой статус понизили, то ли решили, что я не опасен, — как можно веселее проговорил он, но ни Кэш, ни Ойра на это никак не отреагировали. — Ну и ладно, — буркнул он, — будем идти молча.

И они действительно не проронили ни слова за все время

пути, пока не выбрались из пещер. Они стояли у подножия гор, а перед ними простирался бесконечный лес. Судя по всему, тот самый, в котором они и встретились.

— Иди, — так же спокойно сказал Кэш.

— Что значит — иди? Может, мне кто-нибудь объяснит, что происходит? Что все это значит?

— Просто ты можешь идти, — ответила Ойра.

— И все?

— И все!

— Я что, подопытный кролик какой-то?! — заорал Макс. — Пойдем, на тебя посмотрят, а теперь вали. Может, вы все-таки соизволите мне объяснить, что все это значит?!

— Какой ты все же громкий. — Кэш нахмурился. — Иди, — спокойно проговорил он. — Иди!

— Ну и... катитесь вы все! — Макс развернулся и пошел прочь. У него было странное состояние — смесь злости, обиды, непонимания, разочарования. Но самым неприятным было ощущение того, что он какой-то винтик в непонятном ему механизме. Его кто-то встречает, куда-то тащит, с ним что-то происходит, и, кажется, он единственный из всех действующих лиц, который не знает сценария. У всех есть какая-то осмысленность в действиях, кроме него. Жил себе на свете паренек, жил не тужил, так нет, на тебе, пожалуйста!

Макс резко остановился. Он стоял на крохотной полянке посреди зарослей. Где он находится хотя бы примерно, он сказать не мог. Повернуть назад и топтать обратно к горам — не вариант, идти «прямо» вообще понятие в лесу относительное, в этом он уже убедился.

Макс растерялся. И что ему теперь делать? Хотелось домой, только вот как туда попасть? Он постоял, осмотрелся вокруг — однотипный пейзаж, деревья, деревья, деревья. Поразмыслив, решил просто идти вперед. Если есть у него удача — выйдет куда-нибудь, а если нет — ну что ж. И он осторожно двинулся дальше.

— Хоть бы воды дали, братцы пещерные, — бурчал он, продираясь через кусты. Когда усталость достигла крайней степени, ноги сделались ватными, а собственные плечи тяжелыми, Макс решил отдохнуть. Он выбрал место посимпатичней и присел, опершись о ствол большого дерева. — Поесть бы и выпить чего-нибудь. Пивка, а можно и водочки грамм этак сто пятьдесят.

Нет, крепкого не хотелось. А вот пивка можно, холодненького, бодрященького. Все-таки пиво — лучший напиток на земле, констатировал Макс. Он вдруг застыл и напрягся, прислушиваясь к окружающим звукам. Он даже не услышал, а скорее почувствовал некое шевеление справа от него. Медленно повернул голову в ту сторону.

— Нет, ну почему? Почему это все происходит со мной?

Сквозь кусты на него смотрела та самая тварь, которую он видел у родника. Тот самый милый чешуйчатый теленок с зубами тигра. Тварь смотрела прямо ему в глаза, не смущаясь и не отворачиваясь. Сделала маленький шагок, еще, замерла.

«Что делать? Вскочить, побежать? Это наверняка смерть. А сидеть под деревом? Да, куда ни кинь, как говорится...»

Макс вскочил и, дико заорав, прыгнул вперед, прямо на зубастую пасть. Последнее, что он увидел, — это удивленные звериные глаза...

...Боль пришла сразу. Она родилась в плече, а потом сразу обняла его, крепко прижимая к себе. Наверное, он застонал. И сразу вспомнил все, что было: и тварь, и свой прыжок, и ее удивленный взгляд. «Я живой? Наверняка. Раз болит, значит, живой. Меня, стало быть, не едят? Или пока не едят?» Глаза открывать не хотелось. А надо. Макс собрался, задержал дыхание и разлепил веки...

— Оба на! — только и смог выдать он. Над ним был потолок. Белый. А он, оказывается, лежал на кровати. Судя по обстановке вокруг — в больничной палате. Ему неудержимо захотелось ругаться матом. Что он и сделал. Когда он заканчивал извергать все знакомые ему ругательства, дверь плавно открылась, и на пороге появилась девушка в белом халате. Медсестра.

— О! Вы очнулись? Это хорошо! — Она подошла к нему, зачем-то поправила подушку и одеяло. — Я сейчас позову доктора. — Она мило улыбнулась.

— Погодите, как я здесь оказался?

— Вас привезли на машине, вы были без сознания.

— Кто привез?

— Я не знаю, была не моя смена.

— А что со мной?

— Говорят, вас подрала рысь или покусала.

— Рысь? Да откуда в наших краях рысь?

- Я не знаю, — честно ответила она, — так доктор сказал.
- А где я?
- Это Четвертая городская больница.
- Угу, — буркнул он.
- Я позову Виктора Сергеевича, это ваш лечащий врач. —

Она еще раз улыбнулась и вышла.

Виктор Сергеевич пришел минут через пять. Весело поздоровался, заверил Макса, что теперь он будет жить до ста лет, и осведомился, как тот себя чувствует. Макс ответил. Доктор еще что-то спрашивал, щупал, смотрел, приговаривая что-то себе под нос. Все эти действия Макса не занимали совершенно. Его мучил один вопрос: что происходит? Что, черт побери, происходит?! Ответа не было.

Позже он узнал, что нашли его в парке, в Центральном городском, на одной из дальних аллей. Утром какой-то мужик шел через парк на работу и наткнулся на Макса. Вызвал «скорую» и отправил в больницу.

Макс поправлялся на удивление быстро. Об этом ему сказал Виктор Сергеевич, которого это не особо удивило. «Повидал, знаете ли, на своем веку, повидал. Да вот хотя бы был у нас один капитан...»

Виктор Сергеевич долго был военным врачом и очень любил вспоминать разные истории; только про свою службу в Афганистане, где, оказывается, тоже успел побывать, не рассказывал ничего. Об этом Макс узнал все от той же медсестры, когда та расхваливала Виктора Сергеевича: «Да он столько народу спас, на целый город хватит».

— Так вот. Был у нас в части капитан, балагур, каких поискать. И случились как-то учения, они, знаете ли, случаются иногда. Бээмдэшки с самолетов на парашютах сбрасывали. И было интересно узнать, может ли вместе с машиной экипаж десантироваться, чтоб, значит сразу в бой. Капитан вызвался добровольцем. А парашют возьми да и не раскройся. Вернее, он вроде как раскрылся, но как бы не до конца, вот. Ну наш капитан вместе с машинкой-то и грохнулся. И что бы вы думали? Вылез, весь в кровище, рука плетью висит, рожа расквашена, а он знай матом кроет. Тогда, знаете ли, всем досталось. И генералам нашим, и техникам, и натовцам, и даже, знаете ли, полковым поварам перепало. Но речь-то не об этом. Ну то, что жив остался, — это да, это небесная канцелярия решает. Что сам вылез — это неудивительно. Люди, знаете ли, в горяч-

ке и не такое вытворяют. Но вот как он выздоравливал! Как он выздоравливал, шельмец! Раны прямо на глазах затягивались. Да! Вот так-то.

А еще Макс узнал, что больно у него, знаете ли, рана странная. Вроде как большая кошка, типа рыси, лапой попотчевала. Следы, как от когтей. Да вот только откуда в городском парке такому диву взяться? Рассказывая это, Виктор Сергеевич хитро поглядывал на Макса, но Макс молчал, и тот оставлял его в покое. А врач он был хороший. Даже очень. Через неделю Макса выписали. На прощание Виктор Сергеевич что-то пошутил по поводу невиданных возможностей человеческого организма, но Макс не запомнил. Он хотел поскорее уйти из больницы. И он знал, куда именно хотел уйти.

ГЛАВА 5

Он с силой толкнул тяжеленную дверь, скользнул в образовавшуюся щель и оказался на улице. Вот она, свобода! Все! Последней день учебы позади, а впереди каникулы — три месяца блаженства! Нет, он любил учиться, правда, но каникулы он тоже любил, тем более летние. Целых три месяца, это ж сколько всего можно успеть! Эх! При мысли о предстоящих свершениях он даже закрыл глаза и задрал голову, подставляя лицо веселому и ласковому солнцу.

— Саня, Санек! — Чей-то голос вернул Сашку на землю — это был Мишка, закадычный друган и подельник во всех Сашкиных начинаниях. — Санек, мы с отцом послезавтра на рыбалку собрались, вот, он только что позвонил. Айда с нами!

— Класс! — искренне взвизгнул Сашка. — Только с матерью надо поговорить.

— А хочешь, мой отец ей позвонит? — спросил Мишка.

— Давай, тогда она точно отпустит.

Они двинулись по улице той неподражаемой мальчишеской походкой, представляющей собой смесь галопа, прыжков и каких-то не поддающихся законам физики движений, которую только и можно иметь в двенадцать лет.

— Отец мне новый спиннинг купил, как раз попробуем, мы такое место нашли, закачаешься, там рыбы — во! — Мишка неопределенно махнул рукой и даже расширил глаза, пытаясь изобразить, сколько в этом самом месте рыбы, слов ему явно

не хватало. И они просто рассмеялись. От души и громко. Потому что рыбалка — это класс! Потому что лето! Потому что каникулы! Потому что тебе уже двенадцать лет, и ты кое-что да понимаешь в этой жизни, а жизнь эта полна приключений! Да просто потому, что им было хорошо! Допрыгав до перекрестка, они разбежались.

— Так давай, пусть батя твой позвонит, смотри, не забудь! — прокричал вслед другу Сашка и свернул в свою сторону. Идти было недалеко, минут десять. Но Сашка не торопился. Он шел, разглядывая дома, деревья, окна, вывески, будто все это видел в первый раз. Одна такая вывеска как раз и привлекла его внимание. Еще вчера ее здесь не было. Здесь вообще вчера ничего не было (на улицу уныло смотрели замазанные краской окна и дверь), и самое главное, ничто не предвещало, что что-нибудь здесь появится. А сегодня нате пожалуйста: «КНИГИ. Купить. Почитать. Посмотреть». Вот те нате! Но больше всего Сашку заинтересовали две вещи. Первая — это огромная книга, стоявшая прямо на тротуаре перед магазином. Она была почти с Сашку ростом и очень походила на настоящую. Толстый массивный переплет с металлическими полосками-застежками, которые сходились вместе и запирались на висячий замок. Самый настоящий замок, как у бабы Мани в деревне.

Внимательно осмотрев книгу и даже осторожненько потрогав ее руками, он обратил внимание на вторую заинтересовавшую его вещь. На входной двери с обратной стороны стекла была прикреплена цветная бумажка размером с альбомный лист, на которой замысловатыми узорными буквами было написано: «В честь открытия магазина всем подарки!» — а чуть ниже более мелко: «Удостоверяю! Всевид». Эта надпись заинтересовала Сашку даже больше чем книга. Во-первых, конечно, подарки. Как любой мальчишка, подарки он любил. Правда, он был уже достаточно взрослым, чтобы понимать: это только называется — подарки. Зайдешь, а там — сыграйте в лотерею, купите на сумму не меньше, разгрызите орех, и если вам попадется... и так далее. Короче, разводилово. Но вот «Удостоверяю!» — это интересно, это что-то новенькое. Такого Сашка еще не видел. И уж очень ему вдруг захотелось подарок. Просто так. Да и потом, когда это они успели магазин открыть? Ведь вчера еще пусто было, да мало того

что пусто, даже никаких намеков на открытие магазина — ремонта, подготовки какой-нибудь или чего-то в этом роде.

— Чего топчешься, заходи, или боишься?

Сашка обернулся на голос. Прямо за книгой на малехонькой табуреточке сидел пацан и нагло ухмылялся, уставившись на Сашку. И как он его сразу не заметил? Пацан был чужой. Никогда раньше Сашка его не видел, а он знал всех в округе.

— И ничего я не боюсь, а ты че вытаращился?! — Пацан был одних с ним лет, и давать ему спуску Сашка не собирался. Это, извините, дело чести, а честь — это такая штука! Сами понимаете!

— Да ладно, просто я тут работаю, у Всевида в подмастерьях.

— А кто такой Всевид? — уже спокойней спросил Сашка, чувствуя, что его собеседник поубавил нахальства.

— Так хозяин магазина! — с некоторым удивлением в голосе проговорил мальчишка, будто все должны знать, кто такой Всевид. — Так что, зайдешь? А подарки правда будут, Всевид насчет этого молодец: раз сказал подарки, значит, подарки. Так-то! — Гордости пацана не было предела.

— Ну и зайду, а ты смотри не расплавься тут, помощничек, — бросил Сашка и, уверенно взявшись за ручку, открыл дверь. Звякнул колокольчик, и дверь мягко закрылась за Сашкиной спиной, а сам он замер на пороге, щурясь после солнца. Ему даже показалось, что в магазине просто темно, но постепенно глаза стали привыкать.

— Здравствуй, уважаемый, проходи, гостем будешь! — Из-за стеллажей с книгами появился крупный мужчина, уже не молодой, но еще и не старый, с аккуратной черной бородкой, в строгом костюме.

— Здравствуйте, спасибо, я тут посмотрю, — промямлил Сашка, такого обращения со стороны взрослого он не ожидал. Уважаемый! Скажет тоже.

— Ну посмотри, конечно, посмотри, за просмотр денег не берут, я думаю, лучше начать с первого ряда, — весело проговорил мужчина и присел к столу, стоявшему около окна.

Сашка огляделся. Он стоял сразу за порогом. Справа, за массивным столом, на котором красовался внушительных размеров письменный набор, сидел встретивший его мужчина — наверное, это и есть Всевид, здешний хозяин. Рядом со

столом прилепилась небольшая тумбочка, а на ней кассовый аппарат. Слева от входа тоже был стол, только куда поменьше и круглый, а за ним, боком к окну, притулились два кресла. Красивые. Сашка таких и не видел. На столе зачем-то стоял подсвечник с тремя свечами и шахматная доска с расставленными фигурами (партию недавно начали). Но за самим столом никого не было. Странно. А дальше начинались стеллажи с книгами, которые уходили ровными рядами в глубь магазина. Сашка собрался с духом и двинулся по первому ряду, рассматривая книги. Он любил читать, часто бывал в книжных магазинах и сразу понял, что этот не похож ни на один другой. Вся обстановка, сам хозяин, мальчишка около входа — все иное, но главное — книги! Они были совсем другие — в темных кожаных переплетах, с надписями золотом и серебром или красной или желтой краской. Книжки были Сашке совершенно незнакомы. Он решил взять одну, посмотреть. Вот. Хотя бы эту. «О Драконах!» — значилось на обложке. Он открыл книгу и тут же выронил ее от неожиданности, отскочив в сторону, больно ударившись при этом локтем. На первой же странице красовался здоровенный дракон, который, как только перевернули обложку, взмахнул крыльями и плюнул огнем. Сашка стоял, упершись спиной в стеллаж, и дико смотрел на упавшую и захлопнувшуюся книгу. Сердце его готово было выпрыгнуть из груди, а по спине пробежала струйка холодного пота. Во дела! Он постепенно приходил в себя. Оглянулся, вроде никто не заметил. Посмотрел на книгу — та лежала как ни в чем не бывало, как самая обычная книга, будто не выхлестывало только что из нее пламя. И дракон в ней не шевелился. Может, показалось? Он осторожно приблизился к книге, присел на корточки, чуть посидел, легонько тронул ее пальцем, сразу отдернув руку, — ничего. Вдруг где-то за спиной послышался смешок. Сашка вскочил на ноги и резко обернулся. Никого! И тихо. Послышалось, наверно. Он наклонился и осторожно поднял книгу. Ничего не происходило. Постоял, думая, то ли открыть книгу еще раз, то ли вернуть ее на место. Он даже уже протянул руку, чтобы поставить ее на полку, но передумал. Любопытство взяло верх. И он аккуратно, потихоньку, стал открывать ее, держа на всякий случай подальше. Как только книга открылась, дракон снова зашевелился, и из его пасти снова вырвалось пламя. Сашка резко захлопнул книгу, но на пол уже не бросил. Сзади

опять послышался смешок. Он снова обернулся, но все было тихо, и никого.

— Ах вы так, значит! — Он начал закипать. И резким уверенным движением открыл книгу. Дракон взмахнул крыльями, рыгнул огнем, сделал небольшой круг по странице и спокойно уселся на прежнее место. А там, где пришлось пламя, выступили буквы: «О Драконах. Составлено по описаниям охотников Старых гор и рыцарей храма». Сашка просто обалдел. Такого он еще не видел. Да что там, он просто никогда не слышал о том, что выпускают такие книги. Живые картинки! Вот это да! Вот здорово! Сколько раз он, читая книгу, мысленно рисовал себе героев, их приключения, а тут на тебе — все оживает, когда открываешь страницу! Интересно, много их в книге? Он перевернул лист и уже довольно спокойно пронаблюдал, как молодой мужчина подошел к окну замка и открыл тяжелые ставни. Панорама переместилась, показывая длинную гряду скалистых гор. Ощущение, будто снимают с вертолета. Горы, промелькнув, уменьшились до размеров обычной книжной иллюстрации, примостившись в верхнем левом углу, а ниже появился текст.

«Старые горы. Древнейшее место обитания Драконов. Прежде всего, хотелось бы отметить, что различают Старых, или Истинных Драконов, и обычных, или малых. В этом труде речь пойдет исключительно о Старых Драконах. И хотя последнее упоминание о встрече с ними было оставлено рыцарями храма при посещении двора великого императора Сдемира Просветленного более трехсот лет назад (а именно в год 347-й третьей эпохи Умиротворения), тем не менее, у нас достаточно сведений, дабы описать сих удивительных созданий. В давние времена, когда Истинные Драконы еще не покинули пределов четырех империй и населяли эти земли, среди людей принято было различать четыре их вида: большие Черные Драконы, Изумрудные Драконы, Красные пещерные Драконы и Золотые Драконы. Хотя поговаривают, что иногда, крайне редко, встречались Белые Драконы, но сведения об этом настолько неясны и противоречивы, что их нельзя считать достоверными. О малых же или обычных драконах, которые и по сей день населяют Старые горы, в этом труде сказано не будет, ибо твари эти хоть и ужасны видом и нравом, но ничего необычного или непознанного не представляют. Если же кто в силу своего любопытства или охотничьего

азарта захочет узнать о них побольше, можно обратиться хотя бы к тем же охотникам Старых гор, которые довольно много знают об этих тварях».

Сашка с трудом оторвался от книги, закрыл ее и со вздохом поставил на полку. Вот бы почитать дальше. Дорогая, наверное. В наших библиотеках такого нет. Все Пушкин да Тургенев. И хотя Наталья Степановна всерьез уверяла, что это лучшие писатели из всех, Сашка внутренне с ней не соглашался. Какие же они лучшие? А где же приключения? Где полеты на Луну? Скачки на боевых конях? Разгадка тайн и пиратские клады? То-то!

Побродив еще немного, он так и не решился открыть больше ни одной книги. Он боялся, что все остальные окажутся самыми обычными, если же нет, то утащить его отсюда можно будет только силой.

— Ну что, мой юный друг и гость, понравились тебе мои книги? — спросил тот самый мужчина. — Кстати, я так и не представился, меня зовут Всевид.

— А меня Александр, — важно ответил Сашка. — У вас очень интересно, — сказал он, стараясь не выдать своих впечатлений. — Скажите, там книга есть одна, ну про драконов что-то, она сколько стоит?

— Про драконов? О! Отличный выбор, мой друг! Это труд знаменитого Озар-Ада, хранителя печатей империи, основателя Императорской академии! Это, конечно, не оригинал, как ты сам понимаешь. Труды великого мастера не имеют цены и хранятся в особом хранилище Большой императорской библиотеки. Это копия, хотя очень верная.

— Э-э-э... — Сашка выдал нечто нечленораздельное. — Конечно, я понимаю. Так сколько она стоит? — Он напрягся, боясь услышать ответ.

— Тридцать золотых, мой юный друг, — проговорил Всевид.

— Чего тридцать? — Он уставился на хозяина магазина.

— Я хотел сказать, две тысячи рублей.

— Да, дороговато, — протянул Сашка, подражая матери, когда та торговалась на рынке. Сейчас он понял, что книга с живыми драконами так и останется стоять на полке, или, что еще хуже, ее купит кто-то другой.

— О, я понимаю, мой юный друг и гость стеснен в средствах. Ну что ж, я думаю, что смогу тебе помочь.